

Первая картина вводит нас в сказочный мир, мир превращений, творца — в замке фой, трети, — в страду умерших; за четвертой мы видим ужас, сглаженный со смятения; пятая — страшные аркады; шестая — пережить их царство будущего; в седьмой дти приходят со днами неюй, путешествовавшими с ними, а в последней кончается сон, в проснувшись дти смотрят на все предметы уже другими глазами, — они познали сущность вещей.

Замечательной специальной техникой Станиславский делал, как мы и видели, до форм еще небывалых.

Демонстрация, написанным художником Егоровым, несет характер, она в то же, как все предметы представляются детской фантазией.

Из всех написанн музыка г. Опомя. Благодаря характерной настройке ноток эта музыка отнюдь не является мелодраматическою, чудными драматическими, а, наоборот, вводит в самый состав произведения.

Перевод пьесы сдѣлалъ ж-ий Венгеровъ и г. Бинтманъ, и будетъ издавъ фирмой „Знамя“.

Пьеса написана Метерликомъ еще три года тому назадъ; до постановки въ поместъ театр, сегодня замеченому нами съ авторомъ условно, ни въ одномъ театрѣ не имѣетъ. Пьесой она замечена въ постановкѣ въ театрахъ городовъ Америки, въ Варшавѣ, Вѣнѣ и Парижѣ.

— Прідетъ-ли самъ Метерликомъ на одно изъ первыхъ представлений пьесы, какъ это предполагалось раньше?

— По всемъ вѣроятіямъ. Хотя пятидесяти лѣтъ, возможно, застанетъ его свой пріездъ въ Москву и пьесой отдастъ.

Б. ГЛ.

Раннее утро

„СИНЯЯ ПТИЦА“.

За короткій промежутокъ времени дѣй сказки Метерликомъ „Пелѣсъ и Мелисанда“ у Комиссаржевской и „Синяя птица“ у Станиславского.

Я не хочу хвалить радомъ. Я не хочу сравнивать глубокій и красивый мистическій „Пелѣсъ“ съ купленнымъ перомъ — „Синей птицей“. Иначе, какъ шуткой, не рѣшился бы назвать. Но все-таки и тутъ, и тамъ есть нечто объединяющее. Это — личность автора. Самъ Метерликомъ.

И та, что характерно въ рамкахъ общей психологической концепціи творчества, остается даже и въ „Синей птицѣ“, даже въ этой надуманной „сказкѣ для дѣтей“.

Это характерное — примитивъ душевныхъ переживаній. Нанесено, доведенная до ужаса. До страхи.

Помните въ „Всѣхъ“ Достоевскаго слова Кириллова: „Жизнь есть боль, жизнь есть страхъ, и жизни нѣтъ послѣдствій“.

Эта формула исчерпываетъ цѣлкомъ и Метерликомъ. Метерликомъ прежде всего — поэтъ страха смерти.

Она проста — эта тайна природы. Прідетъ, закроетъ глаза. И станетъ темно „тамъ“ — внутри“. Тамъ, внутри, гдѣ недавно еще цвѣли весна, любовь, мечты.

Эта формула проста. Ее знаютъ даже дѣти. До того проста, что мы проходимъ спокойно мимо нея.

Вырваться вступило, жизнь глубокая, Жизнь невеселая, жизнь одиокая...

Метерликомъ беретъ этотъ вступитъ в, такъ роняя съ него въ могилу депрессию земли, говоритъ:

— Вотъ все. Все, что осталось отъ яркихъ цвѣтовъ.

Слова эти звучатъ ужасомъ именно благодаря своей простотѣ. Ужасной, самоубійственной, кошмарной простотѣ.

Простоту эту надо передать и на сценѣ. Надо очистить ее отъ всего, что затемняетъ бѣдну ужаса въ настоящей жизни. Отъ всего, что отвлекаетъ мысль въ сторону и даетъ ей забыться.

Такова задача режиссера при постановкѣ пьесы Метерликомъ.

Онъ ирреален по содержанию, но реален по настроенію.

Ихъ надо играть въ полутонахъ, полусловахъ, въ задержкахъ пальцевъ дымящихъ крахахъ.

Въ простой стѣнной деревянной рамѣ. И тогда даже, если хотѣте, достигнуть совершенства впечатлѣнія невозможно, такъ какъ скорѣй всего Метерликомъ вообще не воспользуемся на сценѣ.

Но ужъ если играть — такъ только такъ.

Театръ Комиссаржевской такъ и подошелъ къ Метерликомъ.

Въ „Пелѣсъ и Мелисандѣ“ и декорации Евсена, и отдѣльные исполнители при первомъ вступленіи впечатлѣния даже какъ-то сливались, и, только устремившись пристально въоруженъ, я началъ различать предметы.

И нутренъ такого механическаго сосредоточенія сосредоточивались в мысли, и настроенію.

Отъ сказки являло ужасомъ. Рас-

плывающимся смутнымъ ужасомъ.

Страхомъ.

И это былъ Метерликомъ.

Совсемъ иначе подошелъ къ дѣлу Художественный театръ.

Конечно, надо оговориться, что „Синяя птица“ въ своемъ неудачномъ жанрѣ отходить отъ другихъ пьесъ Метерликомъ.

Это — дѣтская сказка, написанная и для дѣтей-исполнителей, и для дѣтей-зрителей.

Отъ одного уже ставится колоссальная техническая задача. Задача, съ которой Художественный театръ справился блестяще. На сценѣ буквально были дѣти, животныя, души деревьевъ и т. п. Одинъ Котъ — Москвитинъ чего стоить.

Блескъ сказки, ее фееричность были переданы съ такимъ ослѣпительнымъ мастерствомъ, на которое способенъ одинъ Станиславскій.

Онъ сдѣлалъ чудо. Большого глаза не можеть требовать. Даже самый изобретенный.

Но...

Нужно-ли все это было? Не измѣнилась-ли „потѣшными огнями“ примитивная суть сказки и те, сказку, принициально-мистическое, которое есть даже въ „Синей птицѣ“?

Не заслонилась-ли именно простота сказки?

Наличность мысли. Прелесть ли?

Счастье — синяя птица — съ нами. Въ пьесѣ. Надо только умѣть взять его. Оно въ добрыхъ снахъ природы. Въ любви. Ко всѣмъ. Даже въ комкѣ, къ собакамъ. Къ красавицѣ-феѣ.

Для взрослыхъ эту мысль можно углубить мистикой „синей птицы“. Мистикой околѣлихъ вѣчнаго тѣмиса до крайнихъ предѣловъ его. До мистической муты. До страха отъ отсутствія сознанія такихъ простыхъ вещей.

Для дѣтей — надо было, наоборотъ, подчеркнуть мысль во всей ее наивно-сказочной простотѣ.

Въ Художественномъ театрѣ не было ни того, ни другого.

Для кого-же ставилась пьеса?

Для чего?

Для парада „последнихъ словъ“ специальной техники?

Тогда дѣйствительно. Дальше въ смыслѣ специальной техники идти некуда. Это предѣлъ. Это чудо.

Только Метерликомъ — онъ являлся былъ не при чемъ.

Кто не было.

З. Б.

